

РАСПИСНАЯ РОДОССКО-ИОНИЙСКАЯ ОЙНОХОЯ ИЗ КУРГАНА ТЕМИР ГОРА

Ойнохоя из кургана Темир Гора, о которой пойдет речь в этой статье, по общему мнению исследователей, принадлежит к лучшим в художественном отношении образцам родосско-ионийской керамики. Не удивительно, что этот сосуд привлекает внимание как искусствоведов, так и археологов: первых он интересует как шедевр художественного творчества, вторых — как наиболее ранний образец родосско-ионийской керамики, привезенный на нашу территорию первыми греческими купцами или колонистами. Вопросы датировки, места изготовления сосуда, его принадлежности к той или иной стилистической группе не могут считаться чисто искусствоведческими проблемами — они важны также для изучения греческой колонизации Северного Причерноморья.

Ойнохоя была найдена при раскопках кургана Темир Гора под Керчью в 1870 г.¹ В кургане Темир Гора обнаружено несколько разновременных погребений и ряд кострищ. Погребение, в котором найдена ойнохоя, наиболее раннее. Оно содержало человеческий костяк, окруженный вещами. Кроме расписной ойнохой, интересующей нас, там было несколько изделий из кости: резные украшения в скифском зверином стиле² и бронзовый стержень в золотой обложке. Т. Н. Книпович считает это погребение местным³, К. Шефолд называет его скифским⁴. Очевидно, ойнохоя была куплена у греческих купцов и положена в качестве особо ценного предмета в могилу. Наличие

¹ ОАК 1870—1871 г., стр. 178.

² В. А. Ильинская, Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля, СА, 1965, № 1, стр. 105; Г. В о р о в к а, Scythian art, L., 1928, стр. 74, 99, табл. 32, а, с. Г. Боровка считает, что костяные резные украшения из Темир Горы являются наиболее ранними примерами скифского звериного стиля.

³ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—V вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 106.

⁴ K. S c h e f o l d, Der skythische Tierstiel in Südrusland, ESA, XII, 1938, стр. 7.

ее именно в местном погребении имеет большое значение для определения начала торговых отношений местных племен с греческими купцами.

Ойнохоя была найдена разломанной на много частей. Однако сосуд удалось собрать полностью, без каких-либо реставрационных добавлений. Не хватает только кусочка венчика и одной ротели. Несмотря на то что светлое покрытие и лак в некоторых местах отслоились, роспись сохранилась хорошо и рисунок четко прослеживается.

Ойнохой этот сосуд называется условно. По форме это кувшин небольшого размера ⁵ (рис. 1 табл.). Горло высокое, прямое, расширяется кверху и завершается валикообразным венчиком. Тулово низкое, очень широкое в средней части, как бы приплюснуто сверху (видимо, поэтому такого типа ойнохой в иностранной литературе называют плоскими ойнохоями, или кувшинами ⁶). Ручка широкая, трехствольная, у венчика завершается рельефными украшениями — ротелями.

Глина ойнохой светлая, красновато-фиолетовая, чистая, с небольшим количеством мелких блесток. Вся поверхность ее покрыта очень плотным слоем белого с желтоватым оттенком ангоба, по которому темно-коричневым лаком нанесен рисунок.

Роспись ойнохой очень изящна. Горло украшает широкая полоса меандра. Сверху и снизу его окаймляет петлеобразная плетенка. Вокруг горла по плечикам идет неширокая полоска палочного орнамента. Плечики и среднюю часть тулова ойнохой украшают два фриза с изображением животных. В верхнем фризе в центре мы видим фигуры пантеры и быка, идущих навстречу друг другу. Между ними маленькая фигурка лисы. Справа и слева от центральной композиции — фигуры козлов. Один из них (слева), гордо подняв голову, идет вперед, другой (справа) спокойно щиплет траву. В нижнем фризе изображена сцена охоты: собаки преследуют зайцев и козлов. Свободное пространство между фигурами животных в обоих фризах заполнено орнаментом. Он расположен негусто, удачно сочетаются крупные и мелкие элементы его, так что остается много свободного пространства. Мотивы орнамента очень разнообразны: различного вида розетки, свастика, ромбики, крестики. Между фризами и под нижним фризом проходят два пояса петлеобразной плетенки. Нижнюю часть тулова сосуда около самой ножки украшает палочный орнамент.

Ручка, как было указано выше, трехствольная. Средний ствол украшен прямоугольниками темного лака, а боковые стволы украшены точками. Под ручкой — орнамент лучей.

Вся роспись сделана кистью, без применения гравировки и накладных красок. Изображение животных выполнено в технике «пропущенных» линий ⁷ (собака, бык, козлы, лиса) или просто в контурной технике (пантера, заяц). Орнамент также большей частью обозначен контурными линиями. Меандр на горле исполнен контурными линиями, и пространство внутри заполнено штриховкой.

Впервые ойнохоя была издана в Отчете Археологической комиссии за 1870—1871 гг. ⁸ Там дано краткое ее описание и воспроизведение без исследования характера росписи и художественного значения памятника. Впоследствии ойнохой из Темир Горы издавали, воспроизводили, на нее ссылались множество раз и в отечественных и в зарубежных изданиях ⁹, но это, как правило, небольшие заметки. Пожалуй, наиболее подробно об ойнохое пишут Б. В. Фармаковский ¹⁰ и в недавно вышедшей книге о родосско-ионийской керамике Х. Кардара ¹¹, но и эти ученые не дают развернутого ее

⁵ Ойнохоя хранится в Эрмитаже. Инв. № Т-Г 12. Размер: общ. выс. 0,27 м, горла — 0,13 м, шир. тул. — 0,29 м.

⁶ A. P u m p f, Zu den Klazomenischen Denkmälern, JdI, 48, 1933, стр. 70.

⁷ Так условно называется традиционная техника родосско-ионийских мастеров; тело животных выполняется силуэтом, а голова — контурным рисунком. Отдельные части тела обозначаются линиями, оставленными в цвете светлого покрытия.

⁸ ОАК 1870—1871 г., стр. 178, табл. IV.

⁹ Нет возможности перечислить все издания, где упоминается этот сосуд. Ссылки на некоторые из них см. в статье: В. М. С к у д н о в а, Родосская керамика острова Березани, СА, 1960, № 2, стр. 4.

¹⁰ Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Милетские вазы из Родоса, М., 1914, стр. 5.

¹¹ С. К а р д а р а, Ροδισκή ἀγγειογραφία, Athenae, стр. 67.

a

б

Рис. 1, *a*, *б*. Родосско-понийская ойнохоя из кургана Темир Гора
(*a*—вид спереди, *б*—вид сзади)

Рис. 1. ² в, г. Родосско-понийская ойнохоя из кургана Темир Гора
(в — вид слева, г — вид справа)

исследования. Впрочем, никто до сих пор и не ставил перед собой такой задачи. В своей статье мне хотелось бы восполнить этот пробел.

Как уже указывалось выше, наиболее важен вопрос о датировке и месте изготовления сосуда. Мнения исследователей расходятся. Так, К. Кинх, например, согласно своей классификации, относил интересующую нас ойнохою к концу «свободного» стиля класса Камир, т. е. к концу VII в. до н.э.¹² Б. В. Фармаковский считал ее одним из ранних образцов «милетской» керамики и датировал третьей четвертью VII в. до н.э.¹³ Т. Н. Книпович в статье «К вопросу о торговых сношениях...»¹⁴ вслед за К. Кинхом датирует ее концом VII в. К. Шефолд, так же как и Б. В. Фармаковский, считал, что это один из самых ранних образцов «восточно-греческой керамики» со «звериными фризами», и относил ойнохою сначала к середине VII в.¹⁵, а в более поздних статьях при детальной разработке периодизации раннего этапа родосско-ионийской керамики он характеризует ее как образец переходного стиля и датирует 60-ми и даже 70-ми годами¹⁶. В. Ширинг относит ойнохою к группе раннего расцвета класса Камир, т. е. к группе уже сложившегося ориентализирующего стиля, однако вслед за К. Шефолдом датирует ее также 60-ми годами¹⁷.

С этой датировкой¹⁸ соглашаются советские исследователи — В. М. Скуднова и Н. А. Сидорова. Х. Кардара, Г. Вальтер видят в ойнохое из кургана Темир Го-ра великолепный образец уже сложившегося ориентализирующего стиля, но относят к третьей четверти VII в. до н.э.¹⁹

Все эти расхождения в датировке объясняются теми трудностями и той разнородностью мнений, которые, к сожалению, до сих пор существуют в литературе по вопросам хронологической и стилистической периодизации, в особенности раннего этапа развития ориентализирующего стиля родосско-ионийской керамики. Чтобы яснее представить себе, какое все-таки место занимает наша ойнохоя в последовательном развитии этого стиля, необходимо несколько подробнее остановиться на вопросах периодизации раннего этапа.

Ориентализирующий стиль в восточногреческой керамике, в частности в родосско-ионийской ее группе, сформировался значительно позже, чем в материковой Греции, — около середины VII в. до н.э., в то время как в материковой Греции, в керамике Коринфа, в аттической керамике к 625 г. он вступает в завершающую свою фазу²⁰.

Однако этот стиль в родосско-ионийской керамике победил не сразу. Ему предшествовала переходная стадия (переход от субгеометрической стадии к ориентализирующей), в период которой выработывались и усваивались новые сюжеты, новый принцип декора, новые орнаментальные мотивы. Этот период у различных исследователей называется по-разному: Р. Кук²¹ его называет переходным стилем, К. Шефолд, В. Ширинг — раннеориентализирующим²². К сожалению, нет твердых опорных дат, абсолютной хронологии этого переходного этапа. Но все же сравнительный анализ с керамикой раннеаттической и кикладской, анализ комплексов ранней восточногреческой керамики, найденной на Самосе, в Эфесе, на Родосе, в Южной Италии²³, по-

¹² К. F. K i n c h, *Vroulia*, В., 1914, стр. 202, 220.

¹³ Ф а р м а к о в с к и й, ук. соч., стр. 14.

¹⁴ К н и п о в и ч, ук. соч., стр. 97.

¹⁵ S c h e f o l d, *Der skythische Tierstiel...*, стр. 7.

¹⁶ K. S c h e f o l d, *Knidische Vasen und Verwandtes*, *JdI*, 57, 1942, стр. 127.

¹⁷ W. S c h i e r i n g, *Werkstätten Orientalisierender Keramik auf Rhodos*, В., 1957, стр. 10—11.

¹⁸ С к у д н о в а, ук. соч., стр. 156; Н. А. С и д о р о в а, *Архаическая керамика из Пантикапея*, МИА, вып. 103, 1961, стр. 96.

¹⁹ K a r d a r a, ук. соч., стр. 64; H. W a l t e r, *Frühe Samische Gefässe*, Bonn, 1968, стр. 65.

²⁰ E. A k u r g a l, *Orient und Okzident*, Baden-Baden, 1966, стр. 170.

²¹ R. C o o k, *Greek Painted Pottery*, L., 1960, стр. 118.

²² S c h e f o l d, *Knidische Vasen...*, стр. 127; S c h i e r i n g, ук. соч. стр. 8.

²³ R u m p f, ук. соч., стр. 56—59; S c h e f o l d, *Knidische Vasen...*, стр. 125; W. T e s h n a u, *Griechische Keramik im Samischen Heraion*, AM, 54, 1929, стр. 6.

зволяет более или менее точно датировать его второй четвертью VII в. до н.э.²⁴ Все исследователи в основном согласны, что в третьей четверти VII в. ориентализирующий стиль сформировался полностью. И неважно, как они называют его: позднеориентализирующим стилем, как Х. Кардара, или ранним расцветом класса Камыр, как В. Ширинг, или развитым ориентализирующим стилем, как Р. Кук²⁵; суть заключается в том, что окончательно оформились декоративные принципы, была выработана своя оригинальная манера, свой стиль письма, который позволяет нам всегда выделить из общей массы восточногреческой керамики родосско-ионийскую группу. До сих пор не существует четких критериев, дающих возможность определить принадлежность того или иного сосуда к первому или второму периоду. Особенно большие трудности возникают при изучении сосудов, исполненных как бы на переходном этапе от раннеориентализирующей к сложившейся стадии. Именно с таким случаем мы сталкиваемся на примере ойнохой из Темир Горы.

Наша ойнохой по стилю росписи, а особенно по форме наиболее близка группе так называемых плоских ойнохой с прямым горлом, которую обычно выделяют все исследователи и датируют второй и третьей четвертью VII в. до н.э.²⁶ На примере этой группы можно очень наглядно проследить все особенности перехода от раннеориентализирующего к развитому ориентализирующему стилю родосско-ионийской керамики.

Близкая форма ойнохой встречается на Родосе, Самосе, Хиосе уже в субгеометрический период²⁷. Очень характерна она и для родосско-ионийской керамики в раннеориентализирующий период, т. е. во второй четверти VII в.²⁸, что, возможно, и побудило К. Шефолда отнести к этому времени почти все родосско-ионийские вазы такой формы, в частности и нашу ойнохой.

Во второй половине VII в. эта форма встречается значительно реже и является в какой-то степени пережитком в развитом ориентализирующем стиле.

Особенно интересны для нас из этой группы ойнохой из Брюсселя²⁹, из Лувра³⁰ и из Берлина³¹ (рис. 2). Если сравнить эти ойнохой, то можно заметить, что есть существенная разница не только в стиле росписи, на котором мы остановимся несколько ниже, но и в форме сосудов. Например, у ойнохой из Лувра, которую В. Ширинг датирует концом раннеориентализирующего периода, по сравнению с брюссельской ойнохой, относящейся к началу его³², заметно меняется пропорциональное соотношение между горлом и туловом: горло становится тоньше, четко видно расширение его кверху; тулово становится приземистым и более широким в средней части. Это изменение соотношений еще заметнее на нашей ойнохой и на берлинской. Кроме того, на месте прикрепления ручки к горлу у венчика появляются ротели, чего раньше не было. Этот вид украшений, взятый керамистами от металлических сосудов, в искусстве материковой Греции впервые появляется лишь в поздней протокоринфской керамике, т. е. около середины VII в. Видимо, в это же время появляется он и в родосско-ионийской керамике независимо от материкового искусства. Скорее всего, он был воспринят непосредственно из фригийской торовтики³³. Таким образом, если судить даже только по форме, луврская ойнохой относится к более развитой ступени ориентализирующего стиля, тем более наша и берлинская ойнохой.

Яркую картину дает стилистический анализ росписи. На Брюссельской ойнохой звериный фриз занимает еще только плечевую часть. Рисунок животных угловат, не-

²⁴ Х. Кардара называет его «ориентализирующим родосским стилем» (см. K a r d a r a, ук. соч., стр. 35; S c h i e r i n g, ук. соч., стр. 9).

²⁵ S c h i e r i n g, ук. соч., стр. 11; C o o k, ук. соч., стр. 119.

²⁶ R u m p f, ук. соч., стр. 70, III, a; S c h i e r i n g, ук. соч., стр. 15.

²⁷ Clara Rhodos, X, стр. 192, рис. 5, 6; W a l t e r, ук. соч., табл. 56, 87; J. V o a r d m a n, Excavations in Chios, 1952—55, L., 1967, табл. 48, 49 (552—553).

²⁸ S c h i e r i n g, ук. соч., стр. 8; S c h e f o l d, Knidische Vasen..., стр. 127.

²⁹ CVA, Brüssel, I, табл. II, 6.

³⁰ S c h i e r i n g, ук. соч., табл. III, 2.

³¹ W a l t e r, ук. соч., табл. 127.

³² S c h i e r i n g, ук. соч., стр. 8.

³³ E. A k u r g a l, Baurakly, Ankara, 1950, стр. 89; о н ж е, Phrygische Kunst, Ankara, 1955, стр. 82—83.

брежен. Нет четкости и стройности в пропорциональном построении фигур. Неумело переданы движения. Фигуры выполнены силуэтным рисунком, еще не выработалась характерная для развитого ориентализирующего стиля родосско-ионийской керамики техника «пропущенных» линий. Заполнительный орнамент, очень редкий и однообразный, состоит из мелких звездочек, крестиков и точечных розеток — наследие геометрического стиля. То же самое мы видим и на другой родосско-ионийской ойнохое, относящейся к раннеориентализирующему стилю³⁴. Изображенный на ней сидящий сфинкс и стилистически, и типологически совершенно отличается от сфинксов на родосско-ионийских сосудах третьей четверти VII в. до н.э. Заполнительный орнамент тоже очень мелок и однообразен.

На луврской ойнохое, занимающей как бы промежуточное место между раннеориентализирующей стадией и развитым ориентализирующим стилем, звериный фриз тоже расположен только на плечиках, и в этом она как бы приближается к броссельскому образцу, но во всем остальном заметна существенная разница. Все элементы декора здесь уже продуманы и четко отработаны. Изображение скачущих козлов аналогично тем, что встречается на сосудах родосско-ионийских мастеров развитого ориентализирующего стиля³⁵. В рисунке животных сочетается свобода и гибкость линий тела и вместе с тем четкая обобщенность, типизация. Фигуры козлов выполнены в традиционной манере родосско-ионийских мастеров: тело нарисовано силуэтом, голова — контурной линией, детали обозначены «пропущенными» линиями. Заполнительный орнамент еще редок, но здесь встречается уже такой характерный для развитого стиля мотив, как четверть розетки в углу. Принадлежность луврской ойнохой к более высокой ступени развития ориентализирующего стиля совершенно очевидна.

Берлинская ойнохоя, декор которой образуют три фриза с изображением животных, по характеру рисунка представляет типичный образец сложившегося ориентализирующего стиля.

Роспись ойнохой из Темир Горы состоит из двух фризов животных, т. е. здесь, как и на берлинской ойнохое, художник придерживается традиционной для развитого ориентализирующего стиля схемы декора. Композиция его в верхнем фризе, на плечиках, очень четко построена: в центре — группа с изображением нападения пантеры на быка, по бокам — фигурки козлов. В нижнем фризе изображена сцена охоты: собаки преследуют зайцев и козлов.

Изображение нападения льва или, реже, пантеры на какое-либо животное чрезвычайно популярно в родосско-ионийской керамике. На сосудах второй половины VII в. эта сцена, как правило, располагается на плечиках сосуда. Чаще всего изображается момент перед прыжком, и только очень редко можно видеть сцену непосредственной схватки животных³⁶.

Изображение сцены охоты, которое помещено во втором фризе, тоже весьма пространственный сюжет в родосско-ионийской керамике второй половины VII в.³⁷ Правда, в качестве преследуемого животного чаще всего выступает козел или олень. Изображение зайца встречается значительно реже и в основном на сосудах провинциальных школ³⁸. Однако на ойнохое из Темир Горы оно органически вписывается в общий декор и не вызывает впечатления чего-то случайного.

Сюжет охоты на зайца был известен и популярен еще в микенской Греции³⁹. Он был также распространен и в древнехеттском искусстве, и, возможно, оттуда, по

³⁴ Walter, ук. соч., табл. 87 (492); Schiering, ук. соч., 16, I.

³⁵ Kinch, ук. соч., рис. 96, 97; Walter, ук. соч., табл. 120 (602).

³⁶ Kinch, ук. соч., стр. 207, рис. 91; Walter, ук. соч., табл. 122, 124.

³⁷ Ойнохоя из Берлина: см. рис. 2e; ойнохоя из Тюбингена: C. Watzinger, Griechische Vasen in Tübingen, Reutlingen, 1924, стр. 14, рис. 5; ойнохоя с Крита: ASAtene 10/12, 1929, табл. XXIV.

³⁸ Walter, ук. соч., табл. 131.

³⁹ E. Pfuhl, Malerei und Zeichnung der Griechen, München I, 1923, стр. 103.

Рис. 2. а — родосско-понтийская оинохоя из Брюсселя;

б — родосско-ионийская оинохоя из Лувра.

в — родосско-ионийская ойнохоя из Берлина

мнению Ф. Поульсена и Б. В. Фармаковского, был заимствован в ориентализирующий период ⁴⁰.

Заполнительного орнамента много, но благодаря умелому чередованию крупных и мелких элементов орнамента это не производит впечатления перенасыщенности или тесноты. Многие мотивы, встречающиеся здесь, свойственны уже развитому ориентализирующему стилю: различного рода розетки, свастики, ромбики. Для росписей родосско-ионийских сосудов третьей четверти VII в. характерны также и разделяющие фризы пояса петлеобразной плетенки ⁴¹. С другой стороны, надо отметить, что в декоре ойнохоя еще нет подвесных полурозеток и треугольников, очень популярных в росписях сосудов второй половины VII в. Некоторые элементы заполнительного орнамента взяты еще из раннеориентализирующего периода, например лучеобразная розетка. Напоминанием о более раннем времени является и декор горла: меандр, украшающий его, распространен в орнаментации сосудов геометрического и субгеометрического стиля. Однако, несмотря на эти архаизмы, совершенно ясно, что ойнохоя из Темир Горы — это пример уже сложившегося ориентализирующего стиля.

В росписи ойнохоя мы имеем дело со стилистически сложившимися образами, типами животных. Очень характерны для родосско-ионийской керамики третьей четверти VII в. изображения пасущихся и скачущих козлов, бегущей собаки ⁴² (рис. 3). Очень близкие параллели имеет также фигура быка ⁴³. Пантера, как я уже указывала, в росписях родосско-ионийских сосудов встречается значительно реже, чем изображение льва, но все же мы можем указать на две очень близкие аналогии: пантера на родосско-ионийской ойнохое из коллекции Власта и на фрагменте диноса третьей четверти VII в. из Аль-Мины ⁴⁴ (рис. 4).

Изображение центральной группы пантеры и быка отличается некоторой статич-

⁴⁰ F. Poulsen. *Der Orient und die Frühgriechische Kunst*, В., 1912, стр. 17; Б. В. Фармаковский, *Архаический период в России*, МАР, 34, 1914, стр. 23.

⁴¹ Walter, ук. соч., стр. 70; Kardara, ук. соч., стр. 84, рис. 53.

⁴² Сравните рисунок на нашей ойнохое с уже приведенными примерами: прим. 37.

⁴³ Walter, ук. соч., табл. 122 (604); Kirsch, ук. соч., рис. 91, 96.

⁴⁴ Schiering, ук. соч., табл. 14 I, 3.

Рис. 3. *а* — изображение пасущегося козла на ойнохое из кургана Темир Гора; *б* — изображение бегущей собаки на ойнохое из кургана Темир Гора

ностью, монументальностью и тяжеловесностью, что в какой-то степени лишает роспись впечатления легкости и изящества. Здесь, очевидно, еще чувствуется стилистическое воздействие металлического прототипа. По предположению Акургала, манера покрывать точками тело животного, распространенная в ранней кикладской и вообще в восточногреческой керамике, идет от фригийских и урартских образцов, выполненных в металле⁴⁵. Прототипы могли быть заимствованы также и из древнеиранской то-ревтики⁴⁶. Эта общая зависимость от металлических восточных прототипов вообще очень характерна для ранних образцов родосско-ионийской керамики.

⁴⁵ A k u r g a l, *Orient und Okzident*, табл. 217; K a r d a r a, ук. соч., стр. 35—38.

⁴⁶ R. D. B a r n e t t, *Oriental Influences in Archaic Greece, The Aegean and the Near East*, N. Y., 1956, стр. 234. Можно указать на очень близкое изображение быка с характерным ожерельем в виде завитков вокруг морды на бронзовой ситule IX в. до н. э. из Луристана. Этот декоративный элемент характерен и для более позднего времени, например изображение головы быка на капители из дворца Ахеменидов IV в до н. э. См. U. P o r e, *A Survey of Persian Art*, Oxf., 1938, IV, табл. 70с, 101.

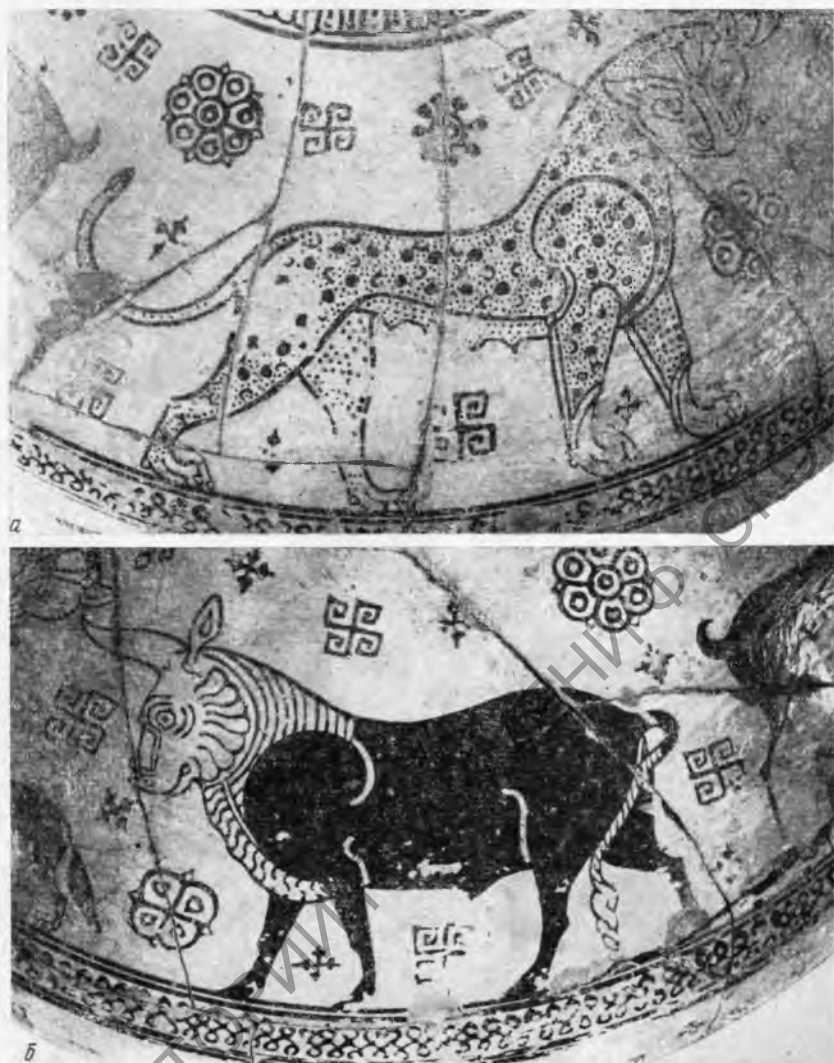

Рис. 4. а — изображение пантеры на ойнохое из кургана Темир Гора;
б — изображение быка на ойнохое из кургана Темир Гора

Рисунок фигур животных на ойнохое из Темир Горы выполнен с исключительной тщательностью, очень красив, пластичен. Фигуры животных в достаточной мере стилизованы, переданы очень обобщенно, без каких-либо лишних деталей и в то же время не лишены обаяния своего живого оригинала. Ойнохоя из Темир Горы без преувеличения может быть названа шедевром графического искусства. Пластичность, предельная точность и вместе с тем скупость выразительных средств рисунка приближают ее к лучшим образцам современной графики. И все же роспись этой ойнохой не является каким-то прекрасным исключением. Композиция ее декора, художественные особенности стиля росписи полностью соответствуют характеру росписи родосско-ионийских сосудов третьей четверти VII в. до н.э. Если поставить ойнохойю из Темир Горы в ряд рассмотренных нами сосудов подобного типа, то она, очевидно, займет место между луврской и берлинской ойнохойей. Хронологически эта последовательность будет выглядеть так: брюссельская ойнохоя относится к 70-м годам (Вальтер даже склонен да-

тировать ее 60-ми годами)⁴⁷, луврская — к середине VII в. до н.э.⁴⁸, наша, очевидно, — к началу 40-х годов и берлинская — к концу 40—30-х годов VII в.⁴⁹. Таким образом, датировка, предложенная Шефолдом и позднее поддержанная Ширингом, — 60-е годы VII в. — кажется слишком ранней.

Правда, Ширинг считает, что луврская ойнохоя является образцом раннеориентализирующих мастерских, а нашу приписывает мастерским раннего класса Камир. Но это все равно не снимает противоречия, так как все три свои группы — Камир, Эфорба и Власта — он выводит из этих же раннеориентализирующих мастерских. Более того, он датирует столь ранним временем и ойнохую Леви. Такие ранние датировки он обосновывает тем, что при раскопках на Крите в Аркадах в могиле «Л» была найдена родосско-ионийская ойнохоя раннего расцвета Камир⁵⁰, которая, по его мнению, датируется сопровождающим материалом не позже середины VII в. А поскольку наша ойнохоя и ойнохоя Леви по стилистическим данным, очевидно, относится к более раннему времени, то и датировать их следует 60-ми годами⁵¹. Уже сразу после выхода в свет книги Ширинга Р. Кук в своей рецензии на нее⁵² отметил, что комплекс могилы «Л» еще слишком плохо изучен, чтобы делать по нему какие-либо выводы. Действительно, кроме раннеориентализирующей критской керамики, на которую ссылается Ширинг, могила содержит несколько сосудов, расписанных в очень своеобразной технике: изображения животных и орнаментов выполнены белой краской, свободное же пространство между ними покрыто темной краской. Среди них замечательная ойнохоя, на горле которой изображены Тезей и Ариадны⁵³. Бордман в своем каталоге критской коллекции из Оксфордского музея⁵⁴ датирует появление такой техники на Крите третьей четвертью VII в. до н.э. К этому же времени он относит и ойнохую с изображением Тезей и Ариадны. Следовательно, не ранее третьей четверти VII в. датируется и вся могила, и родосско-ионийская ойнохоя, найденная в ней. Стилистическое расхождение нашей ойнохой с критской незначительно, и это лишний раз указывает на то, что ойнохую из Темир Горы следует датировать 40-ми годами VII в. до н.э.

Очень серьезны расхождения во мнениях о месте изготовления сосуда. Так, Фармаковский думает, что ойнохоя, как, впрочем, и все родосско-ионийские сосуды, найденные на территории России, привезена из Милета⁵⁵. Кинх, Ширинг, Кардара, повидимому, уверены в ее родосском происхождении. Вальтер полагает, что ойнохоя сделана на Самосе⁵⁶. Такое несогласие во взглядах связано с тем, что до сих пор не решен окончательно вопрос локализации родосско-ионийской керамики. В этой статье нет возможности и необходимости рассматривать всю историю этого вопроса и все связанные с ним сложные проблемы. Главное то, что сейчас Родос уже не считается тем единственным центром, где зародился и получил развитие ориентализирующий стиль родосско-ионийской керамики. Ныне уже все исследователи признают существование нескольких центров ее изготовления — это прежде всего Милет, Самос, Родос, Эфес⁵⁷. Вполне определенно о существовании соответствующих школ уже говорит Шефолд⁵⁸, но попытка определить стилистические особенности каждой школы была сделана только в самых последних работах — в книге Кардара и в книге Вальтера⁵⁹.

⁴⁷ Walter, ук. соч., стр. 62.

⁴⁸ Schiering, ук. соч., стр. 8.

⁴⁹ Walter, ук. соч., стр. 65; U. Gehring, A. Greifenhagen, N. Kunisch, Führer durch die Antikenabteilung, B., 1968.

⁵⁰ ASAtene, 10—12, 1929, табл. XXIV.

⁵¹ Schiering, ук. соч., стр. 11.

⁵² R. Cook, рец. на кн. Schiering, Werkstätten Orientalisierender Keramik auf Rhodos, «Gnomon», 30, 1958, Hft. 1, стр. 71.

⁵³ ASAtene, 10—12, 1929, табл. 443, a — d, 427, a, b.

⁵⁴ J. Boardman, The Gretan Collection in Oxford, Oxf., 1961, стр. 145.

⁵⁵ Фармаковский, Милетские вазы из России, стр. 15.

⁵⁶ Walter, ук. соч., стр. 65.

⁵⁷ Cook, Greek Painted Pottery, стр. 122; Schiering, ук. соч., стр. 9.

⁵⁸ Schefold, Knidische Vasen..., стр. 141 сл.

⁵⁹ Kardara, ук. соч., стр. 85; Water, ук. соч., стр. 75.

a

б

Рис. 5. а — изображение скачущего козла на ойнохое из кургана Темир Гора;
б — изображение скачущего козла на родосско-ионийском сосуде из Немирова

Результаты, к которым приходят исследователи на пути решения этой проблемы, можно считать еще весьма предварительными. Основные факторы, на которые опираются ученые при определении того или иного центра, весьма субъективны: цвет и состав глины, цвет и плотность обмазки и лака⁶⁰. Это видно, например, при сравнении описания глины и обмазки родосской керамики у различных авторов, начиная с Кинха. Как известно, цвет глины и цвет обмазки очень часто зависит от обжига. Более надежны такие показатели, как стилистические особенности изображения животных, формы

⁶⁰ Scheffold, Knidische Vasen..., стр. 125.

орнаментов. Но это требует огромного сравнительного материала, а его, к сожалению, часто недостает. Вальтер, мне кажется, вполне удачно и убедительно выделяет на основании сравнительного анализа орнаментации южную и северную ионийскую школу⁶¹. Что же касается конкретных центров, то здесь его выводы представляются часто поверхностными и поспешными. Задача конкретизации наших представлений об отдельных центрах чрезвычайно сложна, особенно когда речь идет о таких, как Самос, Милет, Родос. Уже Шефолд и последующие авторы постоянно указывали на то, что керамика этих трех центров особенно тесно связана между собой и отличить один центр от другого чрезвычайно трудно. Вальтер же, приписывая сосуд тому или иному центру, недостаточно обосновывает свои выводы. Есть у него атрибуции вполне убедительные, как, например, афесское происхождение брюссельской и берлинской ойнохой, самосское происхождение кратера с грифоном⁶², есть же такие, которые кажутся очень спорными. Одна из них — это самосское происхождение ойнохой из Темир Горы⁶³. Доводы, на которые он опирается, состоят, во-первых, в том, что на Самосе очень распространена такая форма сосудов, во-вторых, что на Самосе найдены фрагменты ойнохой, горло которой украшено совершенно так же, как и на нашей⁶⁴. Ойнохоя, о которой говорит Вальтер, сохранилась очень плохо. Фриз животных, который располагается у нее на плечиках, почти не сохранился, поэтому мы не можем судить о стилистических особенностях ее росписи. Одного же сходства орнаментации горла, мне кажется, недостаточно, чтобы говорить о самосском происхождении нашей ойнохой. Кроме того, если сравнить изображение некоторых животных на нашей ойнохое и на сосудах вероятнее всего, самосского производства, то мы видим существенную разницу в манере их изображения (сравните изображение собаки на самосском кратере)⁶⁵. Аргументация Вальтера слишком неполна, чтобы принять его точку зрения.

Я остановилась на предположении Вальтера в первую очередь потому, что это новая и довольно серьезная попытка предложить для нашей ойнохой другой центр изготовления по сравнению с уже существующими версиями милетского и родосского происхождения⁶⁶. Что же касается этих двух, то, по-видимому, дилемма может быть решена окончательно только при более полной публикации материалов из Милета. Однако все же некоторые предварительные наблюдения можно было бы провести. Ойнохоя из Темир Горы чрезвычайно близка по стилю изображения животных, по орнаментации, по качеству обмазки и лака фрагментам родосско-ионийских сосудов, найденным в Немирове⁶⁷ (рис. 5). Правда, на этих фрагментах нет таких пышных розеток среди заполнительного орнамента, но не надо забывать, что они и датируются более поздним временем — началом последней четверти VII в.⁶⁸ Эти фрагменты Вальтер считает милетскими⁶⁹, правда, без достаточной аргументации. И мне кажется, что, насколько вероятна возможность их милетского происхождения, настолько же вероятна возможность милетского происхождения и нашей ойнохой. Однако я еще раз повторю, что настаивать на этой точке зрения или отвергать ее можно будет только после более полной публикации керамики из Милета. Во всяком случае совершенно очевидно, что ойнохоя из Темир Горы и фрагменты из Немирова относятся к одной мастерской.

⁶¹ Walter, ук. соч., стр. 76.

⁶² Там же, стр. 62, 69, 76.

⁶³ Там же, стр. 65.

⁶⁴ Там же, табл. 93.

⁶⁵ R. Eilmann, Frühe Griechische Keramik im Samischen Heraion, AM, 58, 1933, стр. 84, рис. 30; Walter, ук. соч., табл. 112.

⁶⁶ До Вальтера предположение о самосском происхождении ойнохой из Темир Горы было высказано В. Технау (Teschnaу, ук. соч., стр. 22).

⁶⁷ Н. А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и в Побужье в VII—V в. до н. э., М., 1966, табл. III, 1—9.

⁶⁸ Там же, стр. 14.

⁶⁹ Walter, ук. соч., стр. 75, Вальтер относит к милетской группе также ойнохой из Тюбингена и с Крита, см. прим. 37.

В заключение я хочу лишь добавить, что основной целью моего исследования было не разрешение заведомо неразрешимых вопросов, а желание на основании современного уровня науки определить место ойнохой из Темир Горы в стилистической последовательности развития родосско-понтийской керамики и дать по возможности полное и объективное освещение проблем, связанных с изучением этого сосуда.

Л. В. Копейкина

A RHODIAN-IONIAN DECORATED OINOCHOE FROM THE TEMIR GORA BARROW

by L. V. Kopeikina

This is both a fine example of ancient Greek vase-painting and a most valuable document for students of the history of Greek colonisation in the North Black Sea coastal region. The author presents a detailed study of the artistic points in the vase's decoration with the aim of placing the vase in the style sequence represented by the evolution of Rhodian-Ionian vase-painting, dating the vase more closely and determining the place of its manufacture. The Temir Gora oinochoe is compared with a group of Rhodian-Ionian pots of similar form (the so-called «flat» oinochoai), the most interesting of which are in the Brussels Museum, the Louvre and the Berlin Museum.

The composition of our oinochoe's decoration, the stylistic features of its drawing, the character of the ground ornament all point to Rhodian-Ionian painted ware of the third quarter of the VII century B. C. And in spite of certain archaisms (the ornamentation of the neck, some motifs in the ground ornament) the Temir Gora oinochoe should be referred to the ripe period of the orientalising style in Rhodian-Ionian ceramics and dated in the forties of the VII century.

At the present stage of studies in Rhodian-Ionian ceramics the place where this oinochoe was made cannot be finally determined. Of the suggestions made earlier (Rhodes Miletus, Samos), the author objects to C. Walter's arguments for Samos as insufficiently convincing. As to Rhodes and Miletus, this question can be decided only after a more thorough study has been made of the output of the Milesian workshops. However, the author does not rule out the possibility that the Temir Gora oinochoe was made in Miletus.